

ТОР

УШМ

ЕВГЕНИЙ

НЮВ

ПУТЬ САМКИ

Евгений Торчинов

Путь Самки

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Торчинов Е. А.

Путь Самки / Е. А. Торчинов — «РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-386-12178-5

Роман известного петербургского востоковеда и религиоведа Евгения Торчинова повествует об одном таинственном эпизоде из жизни научного сотрудника Института трансперсональной психологии. Захватывающая история с элементами фэнтези и детектива для любителей интеллектуального чтения.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-12178-5

© Торчинов Е. А., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава I,	7
Глава II,	17
Глава III,	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Торчинов

Путь Самки: трансперсональный роман

*Дух долины бессмертен, его называют
Таинственной Самкой.
Врата Таинственной Самки называют
корнем Неба и Земли.
Дао дэ цзин, 6*

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

Автор благодарит за неоценимую помощь своих друзей Андрея Виноградова и Глеба Бутузова.

Пролог

Свет, один лишь Свет, бесконечный, безграничный, сиял до начала начал всех времен, и не было ничего, кроме Света. И возжелал Свет создать миры, но не было места для миров, ибо Свет был всем, и не было ничего, кроме Света. И тогда Свет сократился, ушел из центральной точки (но где центр Бесконечности, не повсюду ли в равной мере?), и там, откуда ушел он, возникла зияющая пустота Ничто, разрыв в основах ткани бытия. И вот туда, в лоно миров, Свет направил свой луч творящий, миры сотворяя им, словно кистью художник. И так появилось соцветие вселенных.

Но возжелал творить не весь Свет безначальный. Боренье в нем самом возникло, и расколослось бытие, само себе ответить не способно на вопрос, творить или не творить. Часть Светов восприняла творение словно бунт против предвечного покоя Абсолюта и отвергла даже мысль о том, чтобы участвовать в творении. Тогда творящий Свет, преодолев сопротивление Света, отвергшего творение, его связал своим могучим Словом и вверг в пустотное пространство небытия, в глубины бездны пустоты ничто, там заточив его. С тех пор Светы, отвергшие творение, подобные драконам светозарным, таятся там, мечтая выйти на свободу и возвратиться к незыблемому покою Абсолюта. И иногда, лишь крайне редко, тонким излучениям отвергшего творение Светам удается освободиться из темницы и выйти в мир, ими ненавидимый премного. И если так случается, то мир бывает подвержен потрясениям немалым.

Открылись в лучезарности небес
Врата, в иные манящие дали,
Как яркий свет в магическом кристалле
Зажегся ясной ночью Южный Крест.

И блеск Фаворский воссияет в славе
Сапфирной ясности родных пустот,
Родится мед в ячейках желтых сот,
И Хаос возродится в бурной лаве.

Венцом нетления земля венчает
Небес льдяных загадочную высь
И твердь в виссон и пурпур облачает.

Титан Урана с Геей сочетает,
Зерно, в земле погибшее, родись!
Бог-Агнец славу Отчую являет.

Глава I, в которой рассказывается о том, как благородный муж получает приглашение на конференцию, а высокопоставленный чиновник произносит речь

Я снова взялся за резную медную ручку массивной старинной входной двери института. Собственно, я делаю это как минимум два раза в неделю уже несколько лет, но всегда делаю осознанно. Эта осознанность родилась в мой первый рабочий день в институте, когда я взялся за ручку этой самой двери и подумал, что вхожу туда, откуда выйду (в конечном итоге, конечно) только тогда, когда из меня выйдет жизнь. С тех пор я вспоминал об этом всегда, когда брался за дверную ручку, входя в институт. Так было и сегодня, в хмурый и дождливый, но теплый июньский день первого года XXI века.

Институт, о котором я говорю (кстати, позволю себе представиться: Ризин Константин Владимирович, научный сотрудник, кандидат психологических наук), это знаменитый Институт трансперсональной психологии Российской академии наук, а точнее – Санкт-Петербургское отделение этого института, сокращенно – СПбО ИТП РАН. Далее я буду называть его или ИТП, или просто институтом. Так вот, институт этот располагался в прекрасном месте: на Английской (бывшей Красного Флота) набережной, в старинном великокняжеском особняке, построенном архитектором Винтерницем в середине теперь уже ставшего позапрошлым века прямо напротив Академии художеств с ее знаменитыми древнеегипетскими сфинксами. Институт весьма котировался в научном сообществе, считался одним из крупнейших научных центров мира, и работать в нем (по крайней мере, до коллапса российской науки в эпоху великих реформ) было престижно и респектабельно. Поэтому за ручку входной двери я всегда брался с удовольствием. Так было и на этот раз, несмотря на то что влажная, липкая, дождливая летняя погода рождала сонливость, чреватую головной болью (я уже много лет страдаю гипертонией, или, как теперь стало модно говорить, гипертонзией). Ну не буду больше томить читателя, держась за эту пресловутую ручку, войду все-таки внутрь.

Внутри прямо передо мной уходила ввысь огромная парадная лестница, тонувшая во мраке с тех пор, как в Академии стали экономить электричество и на электричестве. Лестница вела к секторам, не имевшим ко мне отношения, поэтому я проигнорировал ее, повернул направо и пошел по длинному коридору первого этажа. Двери, двери... Бухгалтерия (хорошее место, здесь дают зарплату, хотя теперь это уже и не зарплата вовсе, а какое-то малопонятное социальное пособие: прожить-то на нее все равно невозможно), приемная кабинета директора института, профессора Георгия Тиграновича Аванесяна, человека поистине огромного административного дарования. Далее кабинет ученого секретаря, «черный ход» в кабинет директора, частное издательство «Петербургский трансперсонализм», издававшее труды сотрудников нашего заведения и коллег из других институтов; сразу же за издательством на второй и третий этажи института вела чугунная лестница, которая и была мне нужна. Я поднялся на второй этаж, пожал руки коллегам в курилке на лестничной площадке и наконец-то добрал до кабинета своего сектора, в который вела высокая белая дверь с табличкой «Сектор изучения религиозных психопрактик». В нее-то я и вошел.

Кабинет был весьма большим и внушительным. Лет пятнадцать тому назад своим академизмом он производил ошеломляющее впечатление на студентов и аспирантов, но ныне, в сей век упадка Академии наук и пренебрежения фундаментальными академическими исследованиями, кабинет приобрел скорее облик человека, вынужденно живущего в так называемой почтенной бедности: старая мебель (теперь именно старая, а не старинная) рассохлась

и грозила развалиться, стекла по причине отсутствия ленинских субботников давным-давно никто не мыл, и даже на справочной литературе лежал толстый слой пыли, ибо сотрудники все чаще игнорировали свои непосредственные обязанности в институте, предпочитая им коммерческие заказы на стороне. Впрочем, мало кто решился бы обвинить их в этом, зная размер получаемой ими заработной платы. И если упадок еще не приобрел черт мерзости запустения на месте святе, то благодарить за это следовало прежде всего самих же членов сектора, еще не забывших традиций совместных чаепитий и распития более крепких субстанций в дни тех самых пресловутых ленинских субботников.

На работу даже в официальные присутственные дни редко приходили раньше полудня, а некоторые совы появлялись и того позже. Один весьма почтенный филин вообще добился официального разрешения от начальства работать в позднее и даже нерабочее время. Поэтому сейчас, в одиннадцать часов утра, в кабинете находились одни жаворонки. Тон задавал Лев Петрович Большаков, седовласый, но очень энергичный джентльмен, признанный в мире специалист по перинатальным переживаниям. Он активно агитировал остальных присутствующих присоединиться к нему и попить вместе секторального чая.

В принципе я числился в Секторе изучения религиозных психопрактик, который кое-кто в институте хотел переименовать в Сектор изучения религиозных психотехник, а кое-кто – в Сектор трансперсональных проблем религиоведения. Однако, как известно, собака лает, а караван идет. В нашем секторе в настоящее время было семь человек, а директор института Георгий Тигранович считал непозволительной роскошью отдавать целый кабинет такой незначительной группе сотрудников. А посему в нашей комнате стояли столы еще нескольких коллег из других секторов. Одним из таких коллег был уже упомянутый Лев Петрович, другим – историк трансперсонализма и известный переводчик трансперсональной литературы Георгий Леопольдович Тролля, человек, несомненно, эрудированный и ученый. Злые языки говорили, что Георгию Леопольдовичу чрезвычайно подходит его фамилия, ибо, дескать, тело его покрыто даже не волосом, а неким подобием шерсти, что делает его очень похожим на горного тролля. Я сего ученого мужа никогда без одежд не видел, ибо в баню с ним вместе не ходил и на пляже не загорал. Но вполне допускаю. Возможно, что Тролля – просто даосский бессмертный, покрывшийся волосом от употребления эликсиров из сосновых иголок. Древние тексты часто описывают именно такой эффект применения даосских снадобий. Впрочем, зубоскалить по поводу Георгия Леопольдовича я не собираюсь, ибо всегда относился к нему с симпатией и уважением. Остальные гости из иных секторов еще не покинули свои жилища и в настоящий момент отсутствовали.

Лев Петрович не обратил особого внимания на мое появление, продолжая рассуждать о пользе секторальных чаепитий и о порочности нашей Пиковой дамы – Изольды Давыдовны Полянской, в незапамятные времена подававшей начальству докладную с требованием запретить оные чаепития как мешающие ее производственному процессу. Зато Георгий Леопольдович приветливо улыбнулся и промолвил:

– Здравствуйте, Костя. Тут звонил Константин Иванович, просил вас зайти к нему, когда придете.

Я поблагодарил Тролля и, поставив свой старый дипломат на стул, сразу же пошел на аудиенцию к своему начальственному тезке Константину Ивановичу Ревунову, замдиректора СПБО ИТП РАН.

Кабинет Константина Ивановича располагался внизу, вблизи «черного хода» в высочайший кабинет Георгия Тиграновича. В отличие от последнего, бывшего гениальным администратором и вполне посредственным специалистом, Константин Иванович был редким (если не редчайшим) примером вполне гармоничного сочетания ученого и администратора. К тому же даже самые пристрастные представители демократической общественности нашего института не считали возможным усомниться в личной порядочности замдиректора. Дверь кабинета

была приоткрыта – Константин Иванович сразу же заметил меня и в своей обычной манере добродушно проворчал:

– Ну заходи, заходи, Константин Владимирович.

Такое сочетание обращения по имени-отчеству и обращения на «ты» было характерной стилистической особенностью речи нашего замдиректора.

Ну я, естественно, и зашел.

Усадив меня за стол, Константин Иванович сразу же взял быка за рога.

– Ну вот, значит, Константин Владимирович, что скажешь, если мы командидуем тебя в Гонконг на конференцию?

– Ну что я скажу? Кто же будет отказываться от Гонконга! А что за конференция?

– Ну спасибо, ну молодец! А то москвичи большую делегацию посылают, а от нас никого нет. Вот дирекция головного института и предложила нам одно место. Гонконг все оплачивает, с тебя только билет Петербург – Вена – Петербург – через Вену полетите. Уж найдешь где-нибудь триста долларов-то, а потом на суточных в Гонконге сэкономишь, – выдал на одном дыхании Константин Иванович.

– Но что за конференция-то?

– А, я так и не сказал... Что-то припозднились они, ее бы в прошлом или позапрошлом году проводить надо было, к миллениуму, так сказать...

– Да что же это за тема такая загадочная, что вы ее никак не назовете?

– Да ничего, тема как тема, просто я знаю, как ты... Все буддизм-даосизм там, а тут христианство, еще откажешься...

Мне стало уже совсем интересно.

– Да что вы, Константин Иванович! Вот из-за буддизма-даосизма я в Гонконг-то и поеду. А что там такое с христианством?

– Тема конференции – «Образ Иисуса Христа в контексте современного трансперсонализма».

– Ну это же прекрасно! Чего же вы так долго темнили. Я уже и тему сразу вам сказать могу.

– А вот это просто славно! Мне как раз из Москвы звонили, просили тему срочно, а ты уж и готов, оказывается! Мне бы твою энергию...

– Вам ли об энергии говорить, Константин Иванович! У вас каждый год по две толстенных монографии выходит.

– Ну и ты не прибедняйся, сам-то сколько печатаешь. Ну ладно, ладно... Давай тему-то.

– Вот что на такое скажете: «Страсти и Воскресение Христовы в контексте теории базовых перинатальных матриц».

– А-а, ну славно, славно. Вот тебе телефончик в Москве, это из Психологического общества. Звони туда Андрею Федоровичу Смолякову, он тебе все расскажет – про визы, билеты и прочее.

– А когда конференция-то?

– Точные даты не помню, подожди, сейчас телефонограмму найду, где-то на бумажке записал. А вот она. Значит, так: 3–5 июля. Так что времени на визу вполне достаточно, китайское консульство у нас есть, в Москву за визой ехать не надо, поэтому все о'кей.

– Тогда я пошел?..

– Иди-иди, Константин Владимирович, держи меня в курсе, как там чего.

– Ну конечно, само собой разумеется, Константин Иванович.

Тут я окончательно откланялся и покинул начальственный кабинет. Съездить в Гонконг мне хотелось, но перспектива поиска трехсот долларов для перелета в Вену и обратно не вдохновляла. То есть взять их в долг особой проблемы не было, но ведь потом отдавать придется.

А как говорится, берешь в долг чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда. Но, видимо, все же придется.

В секторе появилась наша дама эллинского происхождения Электра Дмитриевна Кессиди, эффектная даже в свои шестьдесят пять. Она мило улыбнулась мне и проинформировала, что «пока вас тут не было, заходил Сережа Соловьев и просил заглянуть к нему в сектор». Сергей Соловьев был моим близким другом, и он наверняка собирался позвать меня пить кофе в кофейню «Пегас» в соседнем доме. Поэтому я попросил Электру Дмитриевну всем взыскующим меня говорить, что буду в секторе через полчаса – минут через сорок, и пошел в Серегин сектор. Там выяснилось, что он уже отбыл в «Пегас», куда я и отправился вслед за ним.

В «Пегасе» оказалось, что ребята (Сергей и еще двое наших приятелей) уже попивают кофе и о чем-то оживленно беседуют. Я взял двойной эспрессо и присоединился к ним, прервав их беседу рассказом о своей гонконгской перспективе. Мой рассказ в основном вызвал зубоскальство по поводу темы конференции с инвективами в адрес как экуменизма, так и фундаментализма. Толя Зерванаев – и откуда у него такая персидская фамилия? – говорил:

– Какие бы конференции они ни организовывали, христианство не реформируемо.

Толя, надо пояснить, отличался известным антиклерикализмом и неприязнью к христианству; однажды он даже заявил, что ему и получаса хватит, чтобы рассказать все про христианство с христианским богословием в придачу. Сергей пустился спорить с ним, рассуждая о Шеллинге, философии, мифологии и архетипах Юнга. Я сказал, что воздержусь судить об архетипах Юнга, хотя его абсолютизация психологического аспекта алхимии, безусловно, прискорбна и к тому же игнорирует историю «царственной науки». Приятели заявили, что алхимия их мало интересует, и заторопились в институт. Я поплелся за ними.

Не успел я заняться чем-то позитивным, как меня позвали к телефону. Оказалось, что звонят из Москвы по поводу Гонконга. Москвичей вполне удовлетворила тема моего доклада, и они немедленно востребовали с меня abstract¹ на пол странички, который я сам должен был отправить «мылом» (сиречь электронной почтой) в оргкомитет конференции. Потом в сектор прибежала вечно возбужденная служительница общественности Нина Васильевна Касьянцева и объявила – сначала всем вместе, а потом еще «на ушко» каждому по отдельности, – что «в пятнадцать ноль-ноль Георгий Тигранович приглашает всех в Зеленый зал на производственное совещание, всего минут на десять-двадцать» (значит, как минимум на час). Поскольку шел уже третий час, я пошел посидеть в курилку на лестничной площадке и послушать, о чем говорят там. Ни о чем интересном там не говорили. Олег Павлович Трубецкой (потомок князей, как он уверял всех и каждого) опять жаловался на жизнь, сокрушаясь о том, что классическая оперетта умерла, а хранимые им алхимические и магические рукописи и инкунабулы разворуют и распродадут американцам, японцам и всяким прочим шведам. Все это было уже слышано-переслышано и никакого интереса не представляло. В момент его самых патетических излияний и патриотических заверений на лестнице появилась наша Пиковая дама – Изольда Давыдовна Полянская.

Изольда Давыдовна была дамой в высшей степени серьезной, и некоторые коллеги в ее присутствии просто трепетали. У меня же и с ней, и с ее не менее серьезной подругой Светланой Никитичной Бессоновой были самые добрые отношения. У Изольды Давыдовны было удлиненное лицо с точеными чертами и тонкими недобрыми губами (именно это красивое в далекой молодости, но холодное лицо и послужило причиной для появления ее прозвища «Пиковая дама») и величественная походка подлинной леди и аристократки духа. Занималась она лингвистикой измененных состояний сознания и опубликовала несколько статей об особенностях грамматических конструкций больных алкоголизмом, находящихся под терапевтическим воздействием кетамина. Опыты с кетамином, проводившиеся над несчастными

¹ Конспект, резюме (англ.). Здесь и далее примеч. ред.

алкоголиками под видом их лечения, всегда казались мне варварски жестокими, поэтому я просто удивлялся, как такая эстетская дама, как Изольда Давыдовна, могла хладнокровно изучать грамматику высказываний этих мучеников (тут попахивало почти что доктором Менгеле). Однако через некоторое время выяснилось, что в клинику Пиковая дама никогда не ходила, о воздействии кетамина имела самое приблизительное представление, ни одного алкоголика, подвергавшегося кетаминотерапии, никогда не видела и все материалы для своих исследований черпала исключительно в библиотеке из отчетов мучителей в белых халатах. Ее исследования принесли ей определенную известность и даже поездку в Англию, кажется в Кембридж.

Завидев восходящую по лестнице Пиковую даму, я поднялся и раскланялся, за что получил в награду милостивую улыбку и вопрос о том, как я поживаю. Услышав мой положительный ответ, она слегка наклонила голову и величественно вступила под сень коридора второго этажа. Ничего, сейчас коллеги-доброжелатели ее обрадуют перспективой сидения на производственном совещании у Георгия Тиграновича.

А кстати, и время уже почти подошло. Сделав это важное наблюдение, я медленно пошел по лестнице в направлении, противоположном направлению движения Изольды Давыдовны, то есть вниз.

Потом по другой лестнице пришлось подниматься наверх, в так называемый Зеленый зал, использовавшийся или как читальный зал институтской библиотеки, или как место для проведения собраний, конференций и прочих относительно многолюдных мероприятий. Говорят, что во времена великих князей здесь был то ли танцевальный зал, то ли фойе перед ним. Думаю, скорее верно последнее, ибо акустика там была отвратительная и слух на всех собраниях и симпозиумах приходилось напрягать изрядно.

Свое же современное название он получил за стены нежно-салатного цвета, успокаивавшие и ласкавшие глаз во время долгих и занудных заседаний.

Зеленый зал понемногу наполнялся. Я прошел вперед и сел около Тролля, так как не был уверен, что кто-нибудь из моих достаточно бесшабашных приятелей вообще придет слушать Аванесяна, а в их отсутствие Георгий Леопольдович был, вероятно, наиболее приемлемым соседом.

Не успел я усесться, как в зал быстрой походкой, на ходу отбиваясь от коллег, пытавшихся задержать начальство приватными вопросами, вошел сам Георгий Тигранович Аванесян, милостию Божией (сиречь президиума РАН) и волею коллектива директор СПБО ИТП РАН. Он прошествовал к старинной кафедре, смахивавшей на церковный аналой, и возложил на оную свои длани. Собрание началось.

Георгий Тигранович, как всегда, был безукоризненно одет. Светлый кремовый костюм, неизменная белоснежная рубашка, не очень туго затянутый галстук – все было прилично, достойно, элегантно и респектабельно.

Поначалу я не очень вслушивался в то, что говорит директор, теща свой слух модуляторами его хорошо поставленного голоса. Георгий Тигранович был великим администратором и великим (по крайней мере одаренным) артистом. Думаю, что не одна театральная труппа могла бы пожалеть о том, что его привлекла не сцена, а наука, точнее, руководство наукой. Голос нашего директора мог звучать интимно проникновенно, как бы обращаясь к каждому сотруднику по отдельности, мог гневно грохотать, обличая нерадивых, а мог и буквально биться в истерику (если про голос можно сказать, что он «бьется в истерику»). Никогда не забуду один эпизод, имевший место лет десять тому назад. Тогда институт посетила пожарная инспекция и нашла какие-то серьезные изъяны в нашей пожарной безопасности. Георгий Тигранович немедленно созвал лоя-джиргу², то бишь ученый совет института, и впал в полное неистовство. Он так топал ногами и брызгал слюной, разнося АХЧ – административно-хозяйствен-

² Всеафганский совет старейшин.

ную часть, что пожарная комиссия просто умилилась и прослезилась от произведенного ею же эффекта и так уверовала в эффективность директорской истерики, что даже не наложила на институт никакого штрафа. Иногда актерские дарования Аванесяна проявлялись в политической сфере. Во время нелепого «путча» августа 1991 года жертвой его артистизма чуть не пал несчастный Константин Иванович Ревунов. Аванесян во время трех дней, которые развалили Союз, был в отпуске, и Константин Иванович замещал его. Заботясь о безопасности сотрудников, он имел неосторожность в понедельник 19 августа, когда вся буффонада «переворота» еще не выявилась в полной мере, издать приказ, отменяющий на время действия указа о чрезвычайном положении, изданного «чуком-и-геком», библиотечные дни и предписывающий всем сотрудникам института каждый день быть на своих рабочих местах. Двадцать первого августа, когда «демократические силы» одержали блистательную победу над бумажным тигром контрперестройки, Георгий Тигранович появился в институте и обрушился на своего несчастного зама за его политическую близорукость и подчинение указам узурпаторов.

Угроза снятия, а то и увольнения, повисшая над головой Ревунова, исчезла лишь тогда, когда Аванесян понял, что приказа об охоте на ведьм из вышестоящих инстанций не последует.

Насладившись модуляциями директорского баритона, я решил, что настала пора вслушаться и в содержание начальственной речи. Увы, это решение вывело меня из состояния блаженного неведения, в котором я мог бы пребывать еще некоторое время, ибо Георгий Тигранович в очень и очень эзоповой манере объяснял, что зарплату нам не только не прибавят, но еще и сократят, по крайней мере на время.

– Вы знаете, дорогие коллеги, – витийствовал директор, – что я считаю своей важнейшей обязанностью отстаивать ваши интересы. Иначе вообще зачем я здесь? Зачем вы за меня голосовали? Поверьте мне, если бы это зависело от меня, вы давно уже имели бы достойную зарплату. Но... (патетически разведенные руки в жесте бессильного отчаяния). У нас нет даже полной экономической самостоятельности. Вы не поверите, но я не могу даже выйти на президиум Академии, минуя московское начальство в головном институте. И это в наше время! И вот приходит из Москвы письмо – только что его прочитал и сразу, как видите, пригласил всех вас сюда, так вот, приходит письмо, предлагающее или в течение полугода снять все надбавки, в том числе и за степень, или провести сокращение штатов института на десять процентов! – тут Георгий Тигранович аж задохнулся от праведного негодования. – Но кого же мы будем сокращать, кого, позвольте вас спросить? В нашем институте каждый ученый – сам целый институт. Сократи одного, сразу целое направление исчезнет. Кого-то отправить на пенсию? Но ведь это значит начать растрачивать наш золотой фонд! Нет, нет и еще раз нет! Главное, сохранить коллектив, не дать силам зла и разрушения восторжествовать! И я вижу свою миссию именно в сохранении того человеческого и интеллектуального богатства, которое складывалось десятилетиями! Поэтому придется всем нам затянуть пояса и посидеть полгода без надбавок, другого пути нет!

Эта директорская тирада требует определенных комментариев, ибо без них читатель рискует не понять всю силу и глубину заботы Георгия Тиграновича о сохранении коллектива. Прежде всего, в пояснении нуждается выражение «каждый ученый – сам целый институт». В течение десятилетий наш «золотой фонд» (Великие Старцы Поднебесной, ныне доктора наук – пенсионеры) избегал готовить специалистов по своему профилю. Аспирантам давали любые темы, кроме тех, в которых, собственно, и был специалистом их научный руководитель. В результате – никаких научных школ, никакой преемственности; полная атомарность незамеченных самодостаточных личностей, воплощающих в себе целые научные направления. Зато, когда грянул гром и в воздухе запахло грозой сокращений, стало возможным прийти в кабинет директора и возопить: «Если вы уволите меня, вы сразу же закроете целое направление, ибо я – уникальный специалист, и заменить меня некому!» Хитрость прекрасно работала, и пока никого из наших живых «институтов» на заслуженный отдых так и не отправили: они продол-

жали мирно играть в коридорах в шашки и шахматы, изредка заглядывая в библиотеку. Не все, конечно (работоспособности некоторых могли бы позавидовать и молодые), но «бонапарт» (в смысле «большая часть»).

Следующий объект моего комментирования – как раз тот самый «золотой фонд». Дело в том, что уже очень и очень давно все сотрудники нашего института делились на «наш золотой фонд» и «научную молодежь», которой полагалось учиться, учиться и учиться у «нашего золотого фонда». К молодежи относили всех, кому еще не исполнилось шестидесяти. Я, например, в свои тридцать семь лет – просто мальчик нежный, кудрявый, влюбленный (и как это меня еще в Гонконг решили отправить, ума не приложу?), и думать о докторской диссертации мне так же рано, как пятикласснику о начале половой жизни. Ведь наша наука требует такой тщательности, такого огромного лабораторного опыта! Ведь мы изучаем тончайшие фибры психики и загадочнейшие состояния сознания! А ты хочешь в какие-то там сорок лет зеленым юнцом докторскую защитить на халяву! Не пройдет-с! Короче говоря, все докторские диссертации, защищенные до наступления канонического возраста, доходили до защиты, а то и до ВАК лишь после долгой череды скандалов и кляуз. Сам я диссертацию фактически написал, но не высывался и ждал удобного случая, чтобы повести разговор о ее защите, причем, Боже избави, не на институтском ученом совете...

Таким образом, суть речи Георгия Тиграновича сводилась к тому, что мы не будем сохранять и тем более повышать зарплату мальчишкам и девчонкам ценою прощания со светочами разума из числа Великих Старцев. Мы пойдем другим путем: откажемся от и так весьма скромных надбавок, сохраним наши «институты» в институте и покажем кукиш злонравным москвичам из головного института.

Далее Георгий Тигранович перешел к рассмотрению путей последующего улучшения материального положения сотрудников.

– Итак, дорогие коллеги, какими же ресурсами располагает институт, чтобы хоть немного облегчить нашу с вами жизнь? Надо думать и думать, ведь наломать дров легко, а посадить лес сложно. И вот тут следует снова вспомнить о нашей клинике. Конечно-конечно, я, как и вы, ни в коей мере не хочу наживаться на беременных женщинах и психически неуравновешенных людях. (Поясню, что наша институтская клиника состоит из двух отделений – перинатального, включающего небольшую родильную палату, и психотерапевтического, где применяются такие методы лечения, как холотропное дыхание и медикаментозно-трансперсональный кризис.) Ни в коей мере! Все мы всегда думаем только об интересах науки с позиций нравственности. Но с другой стороны, нельзя же быть донкихотами и упускать деньги, которые можно получить без ущерба для науки и нравственности. Как говорится, кто может, пусть платит, а за тех, кто не может, будет платить государство, то есть в конечном итоге мы с вами. (Значит, дирекция решила сделать клинику платной; но только крайне наивные коллеги могли поверить заявлениям Георгия Тиграновича, что их кошелек от этого станет хоть чуток толще.) Если вы доверите это администрации, она в течение месяца разработает соответствующее положение и представит его ученому совету. Ну, собственно, это все, что я хотел вам сказать. Да, вот еще одно обстоятельство. Хочу напомнить вам, что все сотрудники, которым положена психоделическая практика, должны заранее запастись справкой из нашей академической поликлиники о состоянии здоровья: без нее ни один человек в психоделическую лабораторию не войдет. А без положенного количества практических экспериментов могут возникнуть проблемы на очередной аттестации.

Это заявление Георгия Тиграновича понравилось мне еще меньше его сообщения о сокращении зарплаты. В институте было принято, чтобы раз в год каждый сотрудник проходил через эксперимент по контролируемому применению одного из трансперсонально активных психоделиков (разумеется, всякая наркота типа крэга или кокаина исключалась). Без соответствующей практики было трудно рассчитывать на повышение по должности даже при наличии

достаточного количества публикаций и прочей работы. И вот теперь наши бюрократы придумали новое осложнение – медицинскую справку. Это значит, нужно тащиться в поликлинику на Васильевский, получать там номерки, сидеть в очереди к лечащему врачу, сдавать кровь-мочу и прочее. И где же, спрашивается, взять на это время? А тут еще Гонконг поджигает... Все дело в том, что по сроку мне как раз полагалось идти в психоделическую лабораторию, в народе называемую «психоделичкой», а в сентябре предполагалась очередная аттестация. Мне же мой тринадцатый разряд вполне уже успел надоесть...

На этой безрадостной ноте Георгий Тигранович закончил свое выступление, и коллеги приступили к вопросам, на которые директор отвечал живо и многословно, с удовольствием бия себя в грудь и обещая распыться ради мирского благополучия вверенного его попечению коллектива. После вопросов он предложил коллегам высказаться. К кафедре направился наш ученейший секретарь, доктор психологических наук, профессор Альберт Аввакумович Липкин. Липкин был обладателем бороды, ныне несколько поседевшей, которой вполне мог бы позавидовать какой-нибудь Тиглатпаласар, Навуходоносор или Ашшурнасирапал. Он также славился своей научной ортодоксальностью и беззаветной преданностью идеям отца-основателя трансперсонализма Станислава Грофа: шаг влево, шаг вправо – расстрел. Когда перед шестидесятилетним юбилеем Георгий Тигранович намекнул, что хотел бы узнать, какой подарок Альберт Аввакумович надеется получить от института, тот пожелал полное собрание сочинений Грофа на оригинальном английском языке с приложением ранних чешских статей, которое и получил под аплодисменты растроганных сотрудников. Он был гонителем всяких ересей вроде лжеучения

Кена Уилбера («Обратите внимание, на Западе трансперсонализм переживает острейший кризис – там книги Уилбера стоят во всех магазинах в разделе „философия“ в таком количестве, будто это Кант, Гегель или Гроф!») и правой рукой или верным оруженосцем Георгия Тиграновича. Оказавшись у нашего аналога для выступлений, он немедленно, с чувством глубокой убежденности в директорской правоте заговорил своим густым месопотамским басом о необходимости лелеять и пестовать «золотой фонд» института, о том, что ради этой великой цели необходимо «потуже затянуть пояса», о нравственном воспитании всяких тунеядцев, которые хотят на халяву родить или подлечить свою голову в институтской клинике и правильности требования медицинской справки перед посещением психоделички *ad majorem Dei gloriam*³ (под Богом здесь следовало понимать, конечно, Грофа). На этом собрание закончилось, и все относительно тихо разошлись по секторам.

Я позвонил в китайское консульство, узнал там, что для получения гонконгской визы нужно официальное приглашение, спустился вниз к референту директора отправить факс в оргкомитет конференции с просьбой выслать приглашение по факсу же и, не обнаружив на месте Сергея, с которым собирался выпить по кружечке пива, отправился домой, закрыв за собой тяжелую институтскую дверь с ее массивной медной ручкой.

Если вы хотите узнать о том, что было дальше, прочтите следующую главу.

Интерлюдия первая

В предыдущий раз я проходил психоделическую практику три года тому назад при весьма специфических обстоятельствах. В институт приезжала делегация перуанских трансперсоналистов, в которую входил настоящий индейский шаман. Узнав, что у нас существует психоделическая практика, он предложил одному добровольцу испробовать на себе действие одного индейского снадобья, известного у нас как аяхуаско, или «вино мертвых», хотя его также часто называют «яге» или «яхай» (по действию оно близко к психоделику ДМТ, принимае-

³ К вящей славе Божией (*лат.*).

тому вместе с ингибитором). Я вызвался в качестве волонтера и после определенной подготовки, включавшей в себя однодневный пост, получил от шамана (в клинических условиях, разумеется) некое питье, которое и проглотил за один прием. Первое время ничего не происходило, и я даже стал сомневаться в эффективности аяхуаско, но минут через пятнадцать я ясно услышал звуки льющейся воды. Постепенно звуковые эффекты дополнились зрительными. Палата клиники померкла и исчезла, и я увидел некий бассейн, окруженный высокими каменными стенами, образующими круг и сложенными из необработанных валунов, блестящих под светом немногочисленных факелов, закрепленных между валунами. Но самое интересное находилось в центре бассейна: там сидело огромное существо, нечто среднее между драконом и динозавром, из его пасти извергались потоки воды, которые и производили тот шум, который я услышал в начале. Шум все нарастал, превращаясь в грохот водопада. Картина сменилась, и я оказался на плоту в середине бескрайнего океана. Волнение воды было умеренным, и волны с приятным шумом ударялись о борта плота. Океан блистал лазурью, горизонта не было, ибо небо сливалось с водой в едва заметной дымке; оба пространства незаметно переходили одно в другое: небо становилось морем, а море небом. Внезапно раздался звук совершенно незнакомой, но буквально чарующей музыки, напомнившей мне о гомеровских сиренах. Вскоре я увидел и источник музыки – сравнительно небольшие парусные ладьи, примечательные прежде всего своими экипажами, состоявшими из драконообразных существ (определенно, рептилии), игравших на каких-то неведомых музыкальных инструментах и жестах манивших меня к себе. Я почувствовал, что если отвечу на их приглашение, то умру. Поэтому я постарался не слушать музыку и не смотреть на драконоидов. Сцена снова изменилась: плот и ладьи исчезли, и я как будто бы воспарил над поверхностью океана. Суши нигде не было, ничто не нарушало непрерывности водной глади, переливавшейся сине-зелеными цветами и блестящей алмазами пены под палящими лучами солнца. Внезапно налетел ветер, поверхность моря вскипела, ввысь взметнулся столб воды, – взметнулся и пал обратно в пучину вод, из которой поднимался окутанный паром остров с застывающими потоками лавы на поверхности. Снова тишина, покой и бескрайняя лазурь. И вдруг грохот, гром, мрак, свет, блистание молний, шум титанической битвы где-то за тучами, полыхающими огнем и мраком! Немыслимо яркая молния рассекла тьму, прогремел раскат раскалывающего голову на части грома, и снова наступила тишина, снова засияло солнце, освещая поверхность океана и скалистый вулканический остров, поднявшийся из бездны. Я почувствовал, что стою на острове. Меня мутило, затем охватило чувство приближения смерти, хотя никакого страха за этим не последовало. Прямо передо мной стояло дивное существо, что-то вроде то ли дракона со сложенными кожистыми крыльями, то ли огромной летучей мыши. Вокруг на задних лапах передвигались еще несколько подобных тварей – и отвратительных, и прекрасных в одно и то же время. Голос существа зазвучал прямо у меня в мозгу: «Сие есть тайна превеликая, но поскольку ты вот-вот умрешь, я открою ее тебе, раз уж ты здесь, на заре жизни твоей несчастной планеты. Мы были царями мира прежде, чем мир стал быть, и стал он быть против воли нашей, но мы вошли в него и поселились в нем, хоть и ненавидели его, даже не подозревая ранее, что вообще может быть нечто, подобное ненависти. Но наши враги преследовали нас, и там, вдали, куда ты не можешь проследовать даже мыслью, произошла великая битва, и враги наши одолели нас и низвергли на эту планету. Теперь мы будем царить на ней и править ею с помощью этого», – тут он показал мне некую спираль, которая странно напоминала рисунок ДНК в учебниках биологии.

Снова все померкло, и в голове зазвучала торжественная и величественная музыка. Некий голос запел неведомый гимн, от красоты которого защемило сердце. Я не понимал слов, но чувствовал, что в песнопении говорится о состоянии свободы и покоя, которое было некогда и которое будет снова. Я опять почувствовал, что умираю; на этот раз все мое существо пронзил панический ужас. Потом я узнал от индейца, что закричал, после чего он влил мне в

глотку противоядие. Пришел я в себя только через несколько часов и так ослабел, что из клиники меня выпустили лишь через два дня. Понемногу меня стали беспокоить какие-то смутные ассоциации, и я попросил, чтобы в палату принесли Библию. Открыв Откровение Иоанна Богослова, в народе более известное как Апокалипсис, я с удивлением и некоторым страхом прочитал следующие фрагменты:

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним (12: 7–9).

И еще один:

И пустил змий из пасти своей в след жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою.

Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои и проглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей (12: 15–16).

На следующий день после выписки я снова встретился с шаманом в институтском коридоре, и тот спросил о моих впечатлениях от аяхуаско. Я очень кратко рассказал ему содержание своих видений, не упомянув только про рассказ драконоида, но заметив, что он называл себя и своих сородичей царями мира. Тут индеец широко улыбнулся и сказал:

– Так они это всем рассказывают. На самом же деле они цари только внешней тьмы.

И он указал рукой на потолок. Я чуть не разинул рот от изумления.

Вернувшись домой, я написал сонет, подражая, отчасти вполне сознательно, Максимилиану Волошину:

Открылись в лучезарности небес
Ярчайшие, невидимые свету,
И бытие дает свои ответы
На речи, что шептал тенистый лес.

И корни в землю, к пламенному центру
Стремятся за живительной водой,
Но к небу устремлен главой седой
Ствол, неподвластный стонущему ветру.

И в трепете мы откровенья ждали,
Вот весть пришла: исполнился Завет;
Вот истина, которой мы алкали.

Но вести сей сердца не постигали,
Не оставляли в душах наших след
Врата, в иные манящие дали.

Глава II, в которой неожиданный гость открывает мистические тайны, а старый друг повествует о добре и зле

Открыв мне дверь (приходя домой, я всегда звоню условным звонком, а не открываю дверь ключом), моя жена Инна сразу же сообщила:

– А тебя уже давно ждут.

– Кто?

Вместо ответа она пожала плечами. Надо сказать, что это известие меня отнюдь не обрадовало. Терпеть не могу, возвращаясь домой, обнаруживать подобные сюрпризы. Хочется расслабиться и пообедать наконец – на работе я никогда не ем. А сегодня у меня и вообще весь день голова болит. Но делать нечего: пришли так пришли.

– Где он сидит?

– В твоём кабинете.

Я вздохнул с чувством человека, вынужденного смириться с тем, что сильнее его, и открыл дверь в свою комнату, которую жена называла кабинетом, ибо там стоял мой компьютер, за которым я работал дома. Навстречу мне поднялся человек, которого я менее всего ожидал увидеть у себя, хотя, кроме разве что удивления, я не ощутил никаких эмоций – ни радости (ибо никогда не испытывал чрезмерной радости от общения с этим визитером), ни огорчения (ибо на свете было много людей, появление которых в доме было бы мне гораздо более неприятно). На этот раз моим незванным гостем оказался Илья Маркович Гданьский, психотерапевт, с которым я был знаком уже лет двадцать, но видел вряд ли больше пяти раз за все это время, поскольку он имел привычку то внезапно появиться из небытия, то столь же внезапно кануть в него снова, и сразу же на много лет. Последний раз я, кажется, видел его девять лет тому назад, на защите моей кандидатской диссертации. О том, что привело его ко мне на этот раз, можно было только гадать, хотя вряд ли результат разгадывания мог бы быть вполне релевантным. То есть, говоря проще, догадаться о причинах его визита было практически невозможно.

Мы обменялись рукопожатиями, уселись – он в кресло, я на тахту, – и я попросил жену принести нам чаю с каким-нибудь печеньем, буде таковое найдется на кухне. Угощать Илью спиртным мне на голодный желудок совершенно не хотелось, тем более что я сам практически не пил, да и он вроде бы не принадлежал к почитателям Диониса-Вакха. Зато я разрешил ему курить: насколько помню, Илья обычно просто не вынимал папиросу изо рта, предпочитая всему на свете «Беломор», – и сам тоже взял из початой пачки сигарету, хотя и знал, что потом мне достанется от Инны за «слабоволие» и «потакание слабостям»: я находился в стадии бросания курения.

Вначале Илья говорил что-то невразумительное о своих и моих публикациях в «Часе Пик», о некоторых общих знакомых – кто развелся, кто женился, – а потом вдруг огорошил меня вопросом, разбираюсь ли я в каббале.

– Слушай, Илья, объясни мне, в чем дело. Во-первых, никогда не думал, что ты интересуешься мистикой, ты казался мне таким позитивистом. А во-вторых, почему ты решил обратиться ко мне за консультациями по каббале? Я вроде бы всегда был больше по части буддизма-даосизма и прочего Дальнего Востока.

– На первый вопрос я отвечу позднее, это довольно долгая история, непосредственно связанная с моим вопросом. Что же касается второго... Помнишь, ты опубликовал в «Часе Пик» заметку о каббале и сексуальности? Я обратил на нее внимание. Из нее следовало, что ты как минимум читал Шолема, а это уже немало. Более того, Олег Гальперин говорил мне, что ты занимался ивритом. Да и в Израиль вроде пару раз ездил...

– Ну знаешь, в Израиль кто только не ездит! Если это брать в качестве критерия, тут треть города каббалистов наберется. Иврит – да, учил немного. Так я и тибетский учил, и тоже немного. И Шолема читал. Но это еще не означает, что я разбираюсь в каббале.

– Но это уже означает, что ты как минимум не совсем профан и с тобой можно поговорить.

К тому же ты много занимался Китаем, для которого, как показал Кобзев, очень важна нумерология и классификационизм, а я как раз хочу поговорить о том, что имеет непосредственное отношение к нумерологии.

– Это что, гематрии разные и тому подобное? Но в этом я уж вовсе ничего не понимаю.

– Нет, не совсем, скорее, речь идет об историософии. Впрочем, теперь я могу ответить на твой первый вопрос. Скажи, тебе знакомо имя Саббатая Цеви?

– Да, я читал книгу Шолема «Саббатай Цеви. Мистический Мессия» и смотрел кое-какие материалы в интернете. Сейчас в Америке, в Калифорнии, появился некий Ицхак Лейб га-Коген, в миру – мистер Мартин Лори, который объявил себя саббатианцем и создателем новой церкви Саббатай Цеви.

– А-а, этот Лори просто очередной нью-эйдж. Меня это мало интересует. А вот то, что ты читал Шолема, очень хорошо. Значит, ты как минимум поймешь то, о чем я буду говорить.

– Ну дивно, Илья! Я, как говорится в старинных романах, весь внимание.

Мой гость закурил погасшую папиросу, со вкусом затянулся и начал свой монолог.

– Я заинтересовался Саббатаем Цеви как психотерапевт. Как ты помнишь, этот иудейский Мессия или лже-Мессия, если угодно, в 1667 году внезапно перешел в ислам, не переставая считать себя Мессией. Его последователи начали проповедовать доктрину «святого отступничества» и со временем создали в Турции секту, известную как денме. Думаю, ты также не забыл, что Шолем объясняет странности поведения Саббатай Цеви его психическим расстройством – маниакально-депрессивным психозом. Несчастный Мессия то находился в состоянии экстатического подъема и божественного озарения, то погружался в пучину тоски и отчаяния. Его пророк и теолог Натан из Газы, выдающийся каббалист и мистик, даже разработал целую богословскую доктрину, призванную объяснить особенности личности Саббатай Цеви. В своих трудах «О драконах» и «О творении» он возводит корни личности Мессии к самому творению мира. Тогда абсолютный Безграничный Свет, или Ор Эн-Соф, будто бы оказался расколотым в самом себе, ибо одна сторона Абсолюта, Творящие Разумные Светы, жаждала творения, тогда как другая, Неразумные Светы, или Светы без мысли о творении, считали это стремление творить бунтом против самой субстанции Света и не желали отказываться от изначального покоя непроявленности. Разумные Светы победили, мир был создан, но конфликт в Абсолюте не был разрешен. Творящие Светы изолировали противоположную сторону и заключили ее в самой глубине пустоты ничто пространства творения. Там Неразумные Светы, принявшие облик драконов, и томятся в заключении, ожидая избавления и искупления. Саббатай Цеви воплотил в себе оба аспекта субстанции абсолютного Света – его вдохновение и экстазы от Творящих Светов, а его депрессия и отчаяние – от Неразумных. Интеграция личности Мессии, подобно халкидонскому Иисусу имеющей две природы, – залог восстановления целостности мира, бытия и самого Абсолюта. Так вот, я стал изучать историю Саббатай Цеви и его движения, списался с рядом специалистов в Израиле и Америке и в итоге пришел к выводу о недостаточности и даже односторонности теории Шолема. Саббатай Цеви был личностью несравненно более сложной, чем личность психотика, или, точнее, особенности его сложной личности не могут быть истолкованы с помощью такого простого объяснения, как психическое расстройство по типу маниакально-депрессивного психоза. Я впервые задумался о собственно мистической сущности его движения и о содержании учения Натана из Газы. В это время я начал читать специальные работы о еврейском мессианизме и в конце концов обнаружил сле-

дующую закономерность: еврейские Мессии появляются каждые 165 лет или через число лет, кратное 165.

Тут я весьма иронически хмыкнул.

– Да-да, – продолжил Илья, – именно так! Просто ты привык к тому, что Мессия обязательно один. На самом деле Мессия – такой же тип благородной личности, говоря понятным тебе буддийским языком, как шраваци или бодхисаттвы! Или один и тот же Вечный Мессия перерождается вновь и вновь, являясь то как Иисус, то как Саббатай Цеви, то как еще кто-нибудь!

– Мил ты мой человек, а от синагоги за такие ереси тебя еще не отлучили?

– А я не хожу в синагогу, и поэтому никто меня от нее не отлучит! Кстати, если это перерождается одна и та же мессианская личность, то это знаешь кто? Мелхиседек из Салима! Жрец Эль-Эльона, Бога Всевышнего.

– Гм...

– А, что с тебя возьмешь! Это ты у нас позитивист, а не я. Вот послушай еще про 165. Учитель Праведности из Кумрана, как это показал Гальперин – а ты ведь не будешь отрицать, что он серьезный ученый, – был распят в Иерусалиме как же-Мессия в 138 или 137 году до нашей эры, а его последователи называли его Сыном Божиим. Иисус, если считать в соответствии с современными данными, что он на самом деле родился в 7 году до нашей эры, был распят в 26–28 годах нашей эры, то есть как раз через 165 лет после казни Учителя Праведности из Кумрана. Саббатай Цеви умер в 1675 году, то есть через 1650 лет – десять раз по 165 – после распятия Иисуса, а крупнейший и скандальнейший преемник Саббатай Цеви и тоже Мессия, Яков Лейб Франк – тот, что в Польше перешел в католицизм и спровоцировал сожжение Талмуда, – умер в 1791 году, через 165 лет после рождения в 1626 году Саббатай Цеви. Между прочим, 165 – это период обращения Нептуна вокруг Солнца, а Нептун управляет нашим зоном Козерога. Обрати внимание, мой трансперсональнейший скептик, что гематрия еврейского слова «серебро» – га-кесеф – тоже равна 165, а серебро – каббалистический символ милосердия и сефиры Хесед, в отличие от красного золота, символизирующего силу Строгого Суда и сефиру Гевура. Опять же, Нептун часто связывают с созвездием Рыбы, а Рыбы связывались в каббале с идеей искупления и восстановления Израиля. Помнится, Саббатай Цеви во время своей жизни, кажется, в Салониках, еще до провозглашения себя Мессией, даже шокировал тамошних раввинов тем, что совершал какие-то ритуалы с купленной на базаре рыбиной, чтобы то ли приблизить искупление Израиля, то ли показать, что оно еще очень далеко. Кстати, прибавь к 1791 – году смерти Франка – 165.

– Хорошо, это будет 1956 год.

– Вот-вот, именно! Мессия может родиться в 1956 году!

– А почему не умереть?

– Но о Мессии, умершем в этом году, мы ничего не знаем. Значит, или его не было в этом году вообще, или

он только что родился. Кстати, я ведь тоже 1956 года рождения.

– А-а, вот оно что... Скажи, дорогой мой, а ты не хочешь последовать мудрому призыву: «Врач, исцелился сам!»? Короче говоря, к психиатру обратиться не желаешь? Господи боже мой, да у нас в институте есть человек пять 56-го года рождения. А сколько их в мире!

– Они же не евреи...

– А что, евреев кроме тебя в 1956 году не рождалось?

– Знаешь что... Вот Шодем пишет, что образ еврейского Мессии настолько неопределен, что любому еврею с интеллектом выше среднего естественно приходила в голову мысль: «А не я ли?»

– Ну ладно, пусть мысль приходит, только ты не очень лелей ее, а то сам окажешься в Скворцова-Степанова.

– Ты обо мне не беспокойся, пожалуйста, сами с усами...

– Хорошо, не буду. В принципе я тебе благодарен за рассказ.

Тут я рассказал ему про гонконгскую конференцию и ее тему.

– Слушай, с твоего позволения, я верну там про Мелхиседека, Учителя Праведности и Саббатая Цеви, хорошо?..

Потом Илья еще долго разглагольствовал про Саббатая Цеви и еврейских Мессий и в подтверждение своей мысли, что Мессии – особый тип просветленных существ вроде будд и бодхисаттв, даже достал из портфеля английскую книжку некоего профессора Ленновица из мормонского Солт-Лейк-Сити «Еврейские Мессии», в которой описывались многие претенденты на сей возвышенный титул от Иисуса до каких-то хасидских деятелей – как все в спасители мира рвутся-то!

В какой-то момент этого монолога я прервал его красноречие, поскольку в моем мозгу забрезжила некая смутная мысль.

– Слушай, ты говорил, что трактат Натана из Газы о природе Саббатая Цеви называется «О драконах». Не расскажешь ли подробнее?

Упрашивать Илью не приходилось, его снова понесло.

– Да, трактат «О драконах» и его продолжение «О творении». В первом из них он писал, что душа грядущего Мессии была захвачена Неразумными Светами, ввергнутыми Светом Творящим в бездну техиру, пустого пространства творения, пучину небытия, где эти Светы, ставшие волшебными драконами, терзали и мучили ее. Но потом она вырвалась оттуда, следствием чего и стало рождение Мессии, в Смирне в 1626 году. Однако эти муки в пучинах техиру сказались, если можно так выразиться, на его психике, откуда и депрессии.

А во втором трактате он пошел куда дальше...

Илья вытащил из пачки сигарету и, не спрашивая разрешения, закурил; я решил проигнорировать эту бесцеремонность.

– Да, куда дальше... Он объявил, что сама душа Мессии имеет две природы, природы обоих Светов, и что он сам – Верховный дракон. Именно поэтому Моисей вознес серебряного змея в пустыне. Опять-таки серебро...

Вскоре мы уже распивали с Ильей припрятанную бутылочку настоящего армянского коньяка, закусывая кусочками лимона (это, вообще-то, распространенное заблуждение, что коньяк нужно закусывать лимоном, поскольку лимон тушит коньячный вкус). Я молчал и пытался удержать в голове историю про Мессию-дракона, чтобы потом на досуге в ней разобраться, а Илья продолжал витийствовать. Экий краснобай и баламут! Под конец он совсем разошелся и стал уже буквально орать что-то о Саббате Цеви, Господе и Спасителе нашем, который вот-вот, не позже почему-то 2004 года, вернется из-за реки Самбатсион и кому-то покажет кузькину мать.

Тут я понял, а Инна подтвердила мою догадку, что Илья домой сам ни за что не доберется. Поскольку с такси связываться не хотелось, пришлось звонить Сергею, так как у того была машина, и просить его заехать ко мне и отвезти Илью домой. Увы, он вполне сам мог быть подшофе – водился за ним такой грех, но, слава богу, пронесло. Уже из дома Сергей перезвонил мне, чтобы сказать, что Илья благополучно водворен в свои апартаменты на Шпалерной. Голос Сергея почему-то звучал несколько задумчиво и как-то меланхолично.

Обедать уже не имело смысла – я съел пару бутербродов с колбасой, запил все это крепким кофе и отправился спать. Из комнаты сына – Филипп, подросток, или, на англосаксонский манер, тинейджер, со всеми вытекающими, – доносилась какая-то тревожно-будоражающая музыка. Я поднялся и пошел спросить у него, что он там такое слушает. Оказалось, некую группу под названием «Терион», считающуюся сатанинской. Я взял коробку диска и прочитал название песен. Половина их была поименована каббалистическими сефирами – Хесед, Тиферет и так далее. Попросив сына сделать сии дьявольские трели потише, я вернулся к себе и

наконец-то заснул. Во сне я беспокойно ворочался с боку на бок и видел какие-то бредовые сны: пылающий огонь в каком-то мрачном месте, разевающих пасти змеев и огромного белого питона, покрытого серебристой рыбьей чешуей и вознесенного то ли на крест, то ли на огромный шест. Змей тянул ко мне голову и высовывал длинный черный раздвоенный язык...

Разбудил меня звонок будильника. Голова раскалывалась, во рту был неприятный металлический привкус. Сообразив, что сегодня неприсутственный день и что идти в институт не надо, я завернулся в одеяло, повернулся на другой бок и снова уснул, на этот раз без сновидений. Проснулся я, когда было уже за полдень.

Прошло несколько дней. За это время я отказался от услуг иностранного отдела института в оформлении визы, поскольку хорошо помнил, как из-за медлительности академических чиновников у меня в свое время чуть не сорвалось две поездки, сходил сам в китайское консульство и благополучно сдал документы. Теща любезно согласилась одолжить мне (причем на неопределенный срок) четыреста баксов на билет до Вены и карманные расходы, так что этот вопрос тоже был благополучно решен. Я даже позвонил в поликлинику по поводу справки и выяснил, что сейчас особого наплыва пациентов нет и что это медицинское затишье, видимо, будет продолжаться все лето. Поэтому я решил сходить за пресловутой справкой после возвращения из Гонконга, а пока засесть за компьютер, с тем чтобы дней за десять написать доклад. Тем временем из Москвы прислали мои билеты на конференцию и обратно с весьма причудливым маршрутом: Вена – Гонконг и Гонконг – Рим – Вена. Получив оные, я без труда купил на тещины деньги билет Петербург – Вена – Петербург и действительно занялся докладом. В институте было тихо и спокойно, все шло своим чередом, зарплату не платили, но и на присутствии за рабочим столом не настаивали. Илья больше не появлялся, о Саб-батае Цеви и его светоносных драконах я стал понемногу забывать и потому спал вполне спокойно, без каких-либо инфернальных видений.

В это же время я получил приятное известие из Америки: профессор Мак-Дуглас, главный редактор «International Journal of Transpersonal Studies», известил меня, что моя статья по эпистемологической релевантности мистического опыта принята в окормляемый им журнал и что он сам займется ее языковой правкой.

В перерывах между написанием доклада и гулянием по разным интернетовским форумам я стал раздумывать, какое вещество выбрать для грядущей психоделической практики. Мне хотелось попробовать датуру (она же дьявольская лилия), но всех волонтеров предупредили об опасности подобного эксперимента из-за непредсказуемого соматического воздействия этого зелья, а рисковать собственным здоровьем мне никак не хотелось. ЛСД или псилоцибиновые «магические грибы» представлялись чем-то слишком вульгарным, а ДМТ я фактически испытал во время описанного выше опыта с аяхуаско. Всякая же наркота, вроде опиума или морфия, вообще исключалась, как в связи с ее способностью создавать привыкание, так и вследствие психоделической неэффективности соответствующих препаратов. Поэтому я находился на некотором перепутье. В конце концов я решил отложить окончательный выбор до получения справки и представления соответствующей заявки в дирекцию.

Как-то оторвавшись от компьютера и осознав, что мой шейный остеохондроз значительно обострился из-за многочасовых сидений у монитора, я решил, что неплохо было бы навестить Сергея.

Сказано – сделано. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться у него дома около семи. Он попросил меня также прихватить с собой бутылочку типа кубинского рома или текилы. Ничего такого в приличном исполнении я не нашел и поэтому ограничился шотландским «Бифитером» – джином с британским йоменом-стражником на этикетке. Этикетка была знакома мне по дегустационному бару «Нектар» со студенческих лет (то есть года этак с 1980-1981-го) и вызывала самые положительные ностальгические эмоции. «Все мгновенно,

все пройдет, что пройдет, то будет мило», как прозорливо заметил в свое время поэт. В начале восьмого я оказался перед дверью квартиры Сергея, что в доме у Пяти углов. В руках я держал полиэтиленовый мешок с шотландским напитком и бутылкой швепса. Здесь, видимо, настала очередь прервать плавное течение повествования и рассказать немного о самом Сергее, в то время моем близком друге.

Сергей Соловьев был на четыре года старше меня: ему в марте этого года (всегда забываю дату его дня рождения) исполнился сорок один год. Он занимался темой на стыке филологии, востоковедения и трансперсональной психологии, а именно – отражением психопрактического опыта дзен в японской поэзии. От большинства японистов – а он был выпускником восточного факультета – его выгодно отличало очень хорошее знание древнекитайского языка, называемого японцами «камбуном», то есть ханским (сиречь китайским) наречием. Кроме того, он хорошо знал философию и общую теорию трансперсонализма, переводил с английского Грофа и Тарта и любил за бутылочкой чего-нибудь крепкого порассуждать о том о сем в весьма широком тематическом диапазоне – от очередных коварных замыслов ученого секретаря Альберта Аввакумовича до специфики энцефалограмм мозга людей, пребывающих в трансперсональных состояниях разного рода. Последняя тема свидетельствовала о некоторой его склонности к материализму, что также отражалось в интересе к Дэниелу Деннету, весьма странно соединявшему феноменологию и эволюционизм (от Деннета Сергей, к слову, усвоил выражение «картезианский театр», которое и употреблял когда надо и не надо), и канадскому профессору Лафлину, перешедшему от каких-то мистических практик к рассмотрению мистического опыта через призму изменения биохимических процессов мозга. Такие теоретики были ненавистны Альберту Аввакумовичу, который при упоминании Деннета или Лафлина сразу же хватался за известную книгу Грофа «За пределами мозга», как хватается за Библию баптист, при котором упоминают о Вольтере или Гольбахе (если он знает эти имена, разумеется). Сергей любил застолья и веселую компанию, внешность имел несколько гусарскую, а по мнению некоторых – цыганскую, и общаться с ним было интересно, ничего не скажешь. Правда, последнее время его пристрастие к возлияниям и служению Дионису стало выходить за пределы непредсудительного, что уже начинало всерьез меня беспокоить. Поэтому, приходя к нему с бутылкой, я всегда категорически препятствовал его попыткам бегать в магазин за добавкой.

Как обычно, Сергей сразу же провел меня в маленькую комнатку, служившую ему кабинетом. Он жил с женой и дочерью, но при мне они в этот самый кабинет никогда не заглядывали и, приходя к Сергею, я мог иногда и вовсе с ними не встретиться. Как и всегда, я сел в кресло у окна, а Сергей разместился на старинном венском стуле напротив. Разлили джин, разбавили его швепсом. Для разминки поговорили об институтских делах, прошлись по ортодоксальности Альберта Аввакумовича, посплетничали о Пиковой даме и ее непрекращающихся атаках на секторальные чаепития. Потом – это было, кажется, под третью порцию джина – Сергей перешел к интеллектуальной части беседы. Начал он ни больше ни меньше как с недвойственности.

– Вот мы всё привыкли называть «состояниями сознания», так ведь какое же это состояние *сознания*? Смотри, о недвойственности говорят обычно в нескольких смыслах: недuality субъекта и объекта, недuality мира и Абсолюта, недuality «Я» и мира как Абсолюта. Первое и второе больше характерно для буддизма, третье и отчасти первое – для веданты. Понятия «сознание» и «недвойственность» также совместимы, как «сухость» и «вода» или «дерево» и «железо». *Contradictio in adjecto*⁴ называется. Ведь всё сознание и все его состояния покоятся на двойственности субъекта и объекта! Так разве может сознание иметь какое-либо отношение к сознанию!

– Правильно, правильно! Это уже древние индийцы понимали.

⁴ «Противоречие в определении», внутреннее противоречие (*лат.*).

– Древние индийцы-то понимали, а наши академики – нет!

– Сравнил божий дар с яичницей! Там ведь риши, мудрецы, были, а не директора институтов. Помнишь ты беседу Яджнявалкья с Майтрейи из «Чхандогья упанишады»?

– В целом помню, но что конкретно ты имеешь в виду?

– Нет сознания после смерти, говорит Яджнявалкья, а его жена Майтрейи удивляется и просит пояснить. Яджнявалкья и объясняет ей, что сознание есть, только когда есть воспринимающий и воспринимаемое, а когда всё есть лишь один сгусток познания, гносиса, и нет ни зрителя, ни зримого, – о каком сознании может идти речь?

– Правильно, правильно! Вот и я об этом. И никакого картезианского театра! Слушай дальше. Но мы-то как раз исходим из того, что недвойственное «сознание» есть базовая и исходная форма сознания, вершина трансперсонального опыта и трансцендентальное условие всех других состояний сознания. Между тем опыт недвойственности – это не опыт вообще. О каком опыте может идти речь, когда нет ни субъекта, ни объекта! Чей опыт-то? И вот что у нас получается: фундаментом сознания оказывается то, что сознанием не является!

– Bravo! «Все три мира есть только сознание», – говорят буддисты-йогачарины. Но три мира есть сансара, феноменальный мир. Йогачарины вовсе не говорят, что *всё вообще* есть сознание, что нирвана есть сознание. Это не виджняна, различающее сознание, которое и есть собственно сознание, а джняна, недвойственный гносис. Без него сознания не может быть, но он все же не предполагает его наличие с необходимостью. Тут-то и происходит переход к учению «Трактата о пробуждении веры в Махаяну», где сансара, круговорот рождений-смертей, выводится из вторичного, иллюзорного и непросветленного аспекта самого недвойственного Абсолюта. То, что не есть сознание при определенных условиях – буддисты и ведантисты называют эти условия неведением, авидьей, – производит тем не менее сознание, которое отрицает потом само себя в практике йоги и обретении просветления. Вот такая диалектика получается!

– Ох, и взгрел бы тебя за эти рассуждения наш Лев Петрович! «Психология, психология и психология! И никакой философии!» Так ведь он говорит?

– Ну при чем здесь наши Великие Старцы Поднебесной? Ты лучше скажи: ты каббалу ведь знаешь?

Признаюсь, от этого вопроса меня просто потом прошибло, под ложечкой возникло ощущение пренеприятной пустоты, и дурное предчувствие, как говорится, возникло в сердце. С чего это Серега про каббалу заговорил? Ну дзен там, сатори, кэнсе, веданта... Или даосизм, наконец. Но почему каббала?

– Ну знаю немножко, а что?

Тут Сергей одним глотком осушил очередной стакан с джином и швепсом, и его язык стал заметно заплетаться. Последнее время он начинал что-то слишком быстро пьянеть, что тоже несколько беспокоило меня – уж слишком опасный симптом у пьющего человека. С месяц тому назад мы были на дне рождения у одного институтского деятеля, так Сергей там заснул непробудным сном после трех рюмок водки, и его еле добудились, когда пришла пора расходиться.

– Ты никогда не задумывался, почему в системе лурианской каббалы Бесконечный Свет вдруг возжелал творить, произвел сокращение, ушел из своего центра, образовав пустое пространство творения?

– Никогда не думал. Наверно, такова природа Света.

– Чудненько! А вот твой приятель Илья, которого я днями отвозил домой, рассказал мне, что каббалисты-саббатианцы считают, что отнюдь не весь Свет возжелал творить, что на этой почве в Абсолюте произошел настоящий раскол и Светы, предпочитавшие покой и недвойственность, восстали против нисхождения в сферу тварного. Значит, дело не просто в природе Света. Свет мог бы преспокойно пребывать в покое и самодостаточности, прости за неуклюжий каламбур.

– Так в чем же, по-твоему, дело?

– А вот в чем. Все дело в желании самого Абсолюта освободить себя от корней зла, скрыто присутствующих в его природе в виде корней силы Строгого Суда. Эти корни должны быть сначала выявлены, показаны, продемонстрированы, наконец, чтобы можно было освободиться от них тем или иным способом. Абсолют должен как бы осознать эти корни, чтобы изжить их. Значит, сам процесс творения как процесс упорядочения, ограничения и разграничения – а все это – проявления силы Строгого Суда, даже структурирования, прости за позитивистские выражения, – является в то же самое время и процессом объективации корней потенциального зла. Поэтому можно сказать, что движущей силой процесса творения является тенденция, присущая самому Абсолюту: в его воле освободиться от потенциально злых корней Строгого Суда. Но этот процесс тесно связан с выявлением корней зла и их переводом из скрытого состояния в явное. Только наделяя действительным существованием силы Строгого Суда, Абсолют может освободиться от них или трансформировать их как свой объект в силы блага и святости. Недвойственность выделяет из себя двойственность, а потом снова интегрирует ее в себя. Все творение оказывается, метафорически говоря, своеобразным психоаналитическим сеансом Божественного Ума, освобождающим себя от угнездившихся в своем подсознании корней зла. Начало процесса творения есть сокращение, сжатие, с помощью которого в Боге высвобождается некое пространство, в пределах которого создается мир. Но любое сокращение или ограничение есть функция сил Строгого Суда и, в конечном итоге, зла. Следовательно, эти силы с необходимостью вовлекаются в творение, а это, в свою очередь, чревато появлением актуального зла. Подвожу итоги, – Сергей говорил слегка заплетающимся языком, но в стиле докладов на годичной сессии института. – Корни зла, как силы Строгого Суда, внутренне присущи, соприродны, самому Абсолюту, Свету, и содержатся в его глубинах. Процесс творения выявляет эти потенциальные корни зла. Выявление этих корней есть основание начала процесса творения через сокращение. Процесс творения есть изживание и исторжение из божественной природы элемента Строгого Суда – и, соответственно, зла – через его выявление, экспликацию и последующую ликвидацию в ходе божественного катарсиса. Однако Светы, лишённые воли к творению, восстают против этого акта интеграционной психотерапии Абсолюта как против бунта, мятежа против Него; для Творящих же Светов Нетворящие – мятежники, предпочитающие исходную неявленность Абсолюта как *Deus Absconditus*, Бога Сокровенного. Для Нетворящих Светов творение есть сатанинский акт, ибо он пробуждает дремлющее зло и делает его явным; для Творящих же Светов сатанинский принцип воплощают как раз их противники, ибо они препятствуют окончательному искоренению корней зла и санкционируют их присутствие в Абсолюте. Такие вот дела.

– Так ты, оказывается, просто гностик! А еще Деннета читаешь!

– Все мы немного гностики, даже Лев Петрович. Без небольшой порции гностицизма наша наука не идет. А Деннет... Просто и Деннета можно читать гностически. Помнишь, как Владимир Ильич рекомендовал материалистически читать Гегеля? А я предлагаю гностически читать Деннета. Ведь не будешь же ты отрицать, что его критика картезианского театра имеет прямое отношение к буддийской теории «не-Я»? А это только самое поверхностное извлечение из Деннета трансперсонализма и гностицизма.

– Ну, может быть, и так. Я сам его книгу про объясненное сознание дальше главы про феноменологический сад все равно прочесть не смог.

– И это тебя не красит, поверь мне.

Я попытался снова свернуть разговор на проблему зла и Абсолюта, но мой дружок уже явно принял больше положенного, и его понесло на политику. Потом он и вообще стал говорить что-то не слишком сообразное и предпринимать попытки отправиться в магазин за новой порцией даров змия, на этот раз зеленого. Тут я сослался на то, что Инна просила вернуться меня пораньше, и улизнул. По дороге я прокрутил весь разговор снова, и опять что-то непри-

ятное коснулось своим когтем моего сердца. Понять, что же это такое, я, правда, так и не смог и в конце концов счел за благо выкинуть всех этих Светов и драконов из головы и подумать о перспективах защиты докторской. С этими вполне приземленными мыслями я и пришел домой. На следующий день надо было появиться в институте, а через неделю я должен был уже вылетать в Гонконг – Порт Ароматов на Южно-Китайском море.

Если вы хотите узнать, что произошло потом, не поленитесь прочитать следующую главу.

Интерлюдия вторая

Несколько лет тому назад меня пригласили читать лекции в Канаде, в Университете Саскачевана, славного тем, что когда-то в нем преподавал Питирим Сорокин, а много позднее – выдающийся специалист по философии и психопрактике тибетского буддизма Герберт Гюнтер. Я приехал в город Саскатун, где располагается этот университет, в марте, – была еще суровая зима (Саскачеван известен как канадская Сибирь), и по ночам термометр показывал за минус тридцать. Но к 10 апреля все-таки потеплело, солнце стало согревать землю, лед растаял, и жить стало приятно. В это время профессор Стэн Эверард с отделения нативных исследований (его можно было бы назвать отделением краеведной этнографии) предложил мне съездить к индейцам и пройти у них ритуал, называющийся по-английски sweat lodge, или «место, где потеют», «потельня», «парилка». Надо сказать, что правила политкорректности практически исключают употребление в академической среде слова «индейцы»; вместо него полагается использовать выражение «first nations» («первые народы») или «America first nations» («первые народы Америки»), почти «первороденные», что вызывало у меня ассоциации с толкиеновскими эльфами. Я, конечно, согласился, и в ближайшее воскресенье мы выехали в резервацию. Однако в поселок мы заезжать не стали, а вместо этого въехали в небольшую рощицу с еще голыми деревьями. Надо сказать, что Саскачеван (по крайней мере, южная его часть) расположен на северном краю пояса прерий, и леса там достаточно редки, хотя по всему Саскатуну растут прекрасные ели и кедры. Вскоре мы увидели несколько машин и остановились на небольшой поляне поблизости. Здесь стоял настоящий вигвам (вигвамы тут называют «типи») и круглая палатка вроде юрты. Около нее кучковались, разговаривая, индейцы, а вокруг бегали индейские дети. Одеты все были вполне просто и обыденно: куртки, рубашки, джинсы, никаких перьев и прочей экзотики. Правда, на ногах у многих индейцев были мокасины и почти все мужчины заплели волосы в косы; с косичками были и мальчики. Стэн представил меня старейшине, который вполне любезно приветствовал меня, после чего все мужчины по очереди подошли ко мне с рукопожатиями. Поскольку не все участники ритуала еще прибыли, у нас было немного времени, и мы пошли прогуляться к речке. Дорога оказалась плохой: после таяния снега развезло глину, и обувь увязала в грязи. Но в кустах гоготали гуси, в голубом небе пролетали стаи журавлей, все дышало весной, и поэтому грязь настроения не портила. Дойдя до реки, мы повернули обратно и вновь оказались на поляне перед палаткой.

Индейцы начали снимать одежду в специальной раздевалке недалеко от палатки, мы со Стэном разделись на свежем воздухе. Разоблачаться надо было до трусов, сняв к тому же с тела все круглые предметы (например, обручальные кольца). После этого мы направились в палатку, перед входом в которую был установлен своеобразный алтарь с лосиным (кажется) черепом на нем. В палатке все (пока только мужчины) расселись по кругу. Палатка была увешана разноцветными (по символике сторон света) кусками ткани. Я тоже совершил подношение белой тканью и пачкой табака, и мою ткань также повесили в соответствующем месте палатки – там она провисит до следующей весны, после чего ее сожгут. В центре палатки была вырыта глубокая яма, за ней был установлен еще один алтарь с черепом животного, за которым разместился старейшина, ведущий ритуал. Все повернулись лицом к нему. Стэн объяснил мне, что здесь присутствуют индейцы из разных племен, но преобладают кри, хотя есть и сиу (дакота),

и лакота, а сам старейшина принадлежит к анишнабе. Поскольку браки здесь экзогамны, племена понемногу перемешиваются и различия между ними сглаживаются.

Началась так называемая церемония трубки – pipe ceremony, предвещающая все индейские ритуалы. Вначале по кругу пустили тлеющую «косичку» травы, которой каждый должен был окурить себя для очищения. Затем, после произнесения старейшиной ритуальных формул и раскуривания, по кругу пустили трубку с длинным мундштуком; каждый участник ритуала делал затяжку, прикасался трубкой ко лбу и сердцу и передавал ее дальше. После церемонии с трубкой в палатку вошли женщины в длинных рубахах. Один из индейцев начал закладывать в яму в центре раскаленные булыжники, умело орудуя длинными вилами. Я знал, что в данном ритуале камни символизируют предков и их называют «бабушками» и «дедушками». Потом камни обильно полили водой, они зашипели, и по палатке распространился обжигающий жар. Входное отверстие плотно закрыли, и палатка погрузилась в полную тьму. Старейшина начал читать заклинания на языке анишнабе, затем индейцы запели ритуальные песнопения. Когда жар несколько спадал, камни снова орошали водой; с каждым разом становилось все жарче и жарче, словно в хорошо натопленной русской парилке. Мрак, влажность, жар. Материнская утроба. Покой, расслабление мышц, блаженное отдохновение. Первая перинатальная матрица, по терминологии Станислава Грофа. Океанический экстаз, эмбрион, парящий в околоплодных водах. Покой, умиротворенность, чувство уюта и полной безопасности. Пот стекает все обильнее, купальные трусы уже настолько пропитались потом, что их можно выжимать. Все тело мокрое. Жарче, жарче, жарче. Сердце начинает биться сильнее, чувство покоя и безопасности сменяется нарастающим беспокойством. Полный мрак начинает пугать. Вдруг – резкая смена настроения: умиротворенность сменяется страхом, клаустрофобией, которой я никогда прежде не испытывал. Кажется, что я навсегда останусь в этом мраке, пространство вокруг сжимается: душно, тошно, страшно. Вторая перинатальная матрица. Жар становится непереносимым, сердце не справляется с нагрузкой. Паника, хотя я сижу совершенно неподвижно... Но тут пение индейцев обрывается, в палатку проникает свет, входное отверстие открывается, вдох свежего воздуха. И я следом за человеком, сидевшим рядом со мной, выползаю на четвереньках из палатки, весь мокрый, пот стекает с тела. Я рождаюсь! Я родился!!!

И вот я уже сижу на свежем воздухе под лучами весеннего солнца, слушаю гоготанье диких гусей, понемногу обсыхаю, расслабленно потягиваюсь.

Я слаб и мягок, как новорожденный («его кости мягки, его мышцы слабы, но хватает он крепко»), я спокоен и умиротворен. Sweat lodge продолжается: за первой следуют еще три все более краткие сессии. Но я остаюсь снаружи: пока с меня довольно. Слушаю пение индейцев, смотрю на лосиный череп.

Когда ритуал заканчивается и все одеваются, начинается угощение, и я с аппетитом ем индейскую похлебку из какой-то дичи, кажется той же лосятины. Потом снова рукопожатия, прощание, приглашение приезжать еще, и мы со Стэном садимся в машину и возвращаемся в Саскатун.

Во мне что-то изменилось. Я действительно заново родился: звуки и краски приобрели новую свежесть и новый колорит. Надолго ли это? Не знаю, но этот опыт – как блаженство утробного пребывания, так и ужас рождения – я никогда не забуду.

Врата, в иные манящие дали,
Белеющую церковь над рекой,
Сверхчувственный, безмысленный покой
Лазоревые зори предвещали.

Увы! Века те зори люди ждали
В предчувствиях, молениях и снах,

В видениях и дивных чудесах,
В рыданиях тоски, слезах печали.

И впадины глазниц пустыми стали
От бдений в ожидании костра,
Когда в спокойствии иные спали.

Но и во сне страдальцы ощущали:
В уничиженье стонет их сестра,
Как яркий свет в магическом кристалле.

Глава III, в которой незнакомец просит о помощи, а ученая дама доказывает, что она отнюдь не морская свинка

В институте все то же самое. Кажется, что он почти вымер, даже электричество на первом этаже не включено. Только неутомимая общественница Касьянцева бегает туда-сюда – из бухгалтерии в приемную директора и обратно. И чего она бегает?..

Зашел к Константину Ивановичу и поведал ему о своих успехах по части поездки в Гонконг. Тот похвалил меня за оперативность и выдал мне один доллар, с тем чтобы я поменял его в Гонконге и привез ему монеток для коллекции.

Больше ничего интересного он мне не поведал. Наверху тоже никого. Только Лев Петрович играл в коридоре в шашки с патриархом перинатальной терапии профессором Мухаммедом Алиевичем Шариповым. В кабинете сидел унылый Семен Владимирович Карпов и чертил какие-то хитроумные схемы, призванные отобразить структуру «Я» в его трансперсональных измерениях. Схем Карпова понять никто не мог, но он пользовался всеобщим уважением и считался великим, хотя и официально непризнанным ученым. Семен Владимирович немного поговорил со мной о московских коммерческих семинарах по холотропному дыханию и о том, что и нам не мешало бы обзавестись чем-нибудь подобным. На это я чистосердечно отвечал, что в Москве для таких дел есть энергичный и пробивной молодой трансперсоналист Алексей Мартов, тогда как наш «золотой фонд» только и умеет, что критиковать ушлых москвичей и кичиться своим незапятнанным академизмом. Карпов, кажется, принял мои слова на свой счет и, обидевшись, замолчал. Тогда я отправился в библиотеку.

Если в советское время в библиотеку какие-то зарубежные книги и журналы еще поступали, то теперь этот поток, никогда и не бывший слишком бурным, совсем обезводел, обмелел и превратился в тоненькую струйку. Кроме каких-то переизданий старых работ Тарта и Кена Уилбера и последнего выпуска «*Journal of Transpersonal Psychology*», главный редактор которого всегда имел слабость к России и русской культуре, на выставке новых поступлений ничего хорошего не было. Зато я обнаружил объявление о семинаре по новым методам медикаментозного вхождения в трансперсональные состояния, приуроченном к столетию со дня выхода в свет книги Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Семинар должен был начаться в конференц-зале клиники через пятнадцать минут, и я решил сходить туда.

Раньше на подобные семинары собирались если не толпы и не сонмы, то, по крайней мере, внушительные аудитории; теперь же конференц-зал был почти пуст, и я уселся впереди прямо у кафедры, с которой должен был вещать докладчик. Им оказался неизвестный мне молодой – действительно молодой, а не по нашим меркам – москвич из головного института, кажется, Королев. Он говорил о вполне традиционной кундалини-йоге, ссылаясь на известную статью американца Синеллы, который, в свою очередь, базировался на книге индийца Гопи Кришны. Основная мысль докладчика заключалась в том, что практика кундалини-йоги в современных клинических условиях вполне может быть адаптирована как для достижения определенных терапевтических эффектов – особенно при лечении некоторых психозов, – так и для исследования картографии сознания. Хотя никаких «америк» докладчик не открыл, было приятно, что есть еще вполне серьезные молодые ученые, занимающиеся теоретическими вопросами, а не гоняющиеся исключительно за грантами. Я хорошо знал, что обычно такие грантоискатели великолепно умеют составлять заявки и исследовательские проекты, реализация которых, однако, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Когда доклад закончился и никаких особых вопросов не последовало, а скужающая малочисленная публика направилась к выходу, я собрался последовать примеру остальных и тоже

покинуть конференц-зал, однако в дверях буквально столкнулся с Сергеем Соловьевым, который достаточно энергично двигался в противоположном направлении. Вот уж кого я меньше всего ожидал здесь увидеть, ибо Сергей никогда не был любителем докладов и заседаний. Сергей толкнул меня обратно и, пробурчав что-то вроде «Подожди минутку», устремился к докладчику, с которым они стали обниматься и чуть ли не целоваться. Понятия не имел, что они вообще знакомы! Впрочем, у Сергея есть такая манера – не рассказывать о своих друзьях другим своим друзьям без особой на то надобности. Может быть, это и правильное часто попадал в весьма щекотливые ситуации из-за того, что некоторые мои друзья терпеть не могли других. Когда их восторг от встречи несколько поутих, я подошел к ним, и Сергей представил меня Королеву (Андрею) как своего друга и большого знатока восточных психопрактик и каббалы. Его педалирование каббалы опять как-то неприятно меня кольнуло, но я не придал этому никакого значения и обменялся рукопожатием с Андреем, после чего Сергей пригласил нас пойти выпить чего-нибудь за знакомство. Андрей на это возразил, что с самого московского поезда ничего не ел и поэтому предпочел бы пообедать. В результате мы оказались в кафе «Гаргантюа» на Вознесенском проспекте. Андрей заказал себе полноценный обед, а мы с Сергеем взяли по так называемому пивному набору (креветки, рак, кусочки копченой рыбы) и по две кружки пива. Для меня это было дороговато – Андрей, правда, заметил, что в Москве на эти деньги разве что кружку пива нальют, – ну да ладно, не каждый день гуляем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.